

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Научная статья

УДК/UDC 72.01:72.036(520)

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-72-89

EDN: KFFPRZ

Восприятие пространства как категория идентичности в японской архитектуре. Концепт «ма» как форма самопознания

Федор Яковлевич Шемякин¹

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
fedshemyakov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются природный и пространственный / пространственно-временной аспекты, оказавшие влияние на процесс самоидентификации японских архитекторов, исследуются формы взаимодействия японской и западной интеллектуальной традиции. Автор рассматривает пространственно-временной концепт *ма*, исследует историю его возникновения и эволюции, выявляет особенности его бытования в японской культуре. Проанализировав то, как понимается концепт *ма* как в Японии, так и за ее пределами, автор приходит к выводу, что концепт *ма* стал инструментом постижения и самопознания японской архитектуры. Аспекты влияния пространства пустоты и промежутка *ма* в японской архитектуре были рассмотрены на примере реализованных проектов современных японских архитекторов. Отмечена актуальность понимания пространства в японской культуре в контексте нелинейности и дигитальности современной архитектуры.

Ключевые слова: японская архитектура, пространство, идентичность, языковой концепт, *ма*, Арата Исодзаки, диалог культур

Для цитирования: Шемякин Ф.Я. Восприятие пространства как категория идентичности в японской архитектуре. Концепт «ма» как форма самопознания // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 72-89.

URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/04_shemyakin.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-72-89. EDN: KFFPRZ

ARCHITECTURAL HISTORY AND CRITICISM

Original article

Perception of space as a category of identity in Japanese architecture. The concept of «ma» as a form of self-knowledge

Fedor Ya. Shemyakin¹

Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
fedshemyakov@gmail.com

Abstract. This article examines the natural and spatial/spatiotemporal aspects that have influenced the process of self-identification among Japanese architects, exploring how Japanese and Western intellectual traditions interact. The author investigates the spatiotemporal concept of *ma*, tracing its historical origins and evolution and revealing its specific manifestations in Japanese culture. By analyzing how the concept of *ma* is understood both in Japan and abroad, the author concludes that *ma* has become a tool for understanding and self-knowledge in Japanese architecture. The impact of the *ma* interval and the idea of emptiness on Japanese architecture is illustrated through examples of built projects by

¹ © Шемякин Ф.Я., 2025

contemporary Japanese architects. The study also emphasizes the relevance of grasping Japanese spatial concepts in the context of the nonlinearity and digital nature of modern architecture.

Keywords: Japanese architecture, space, identity, language concept, ma, Arata Isozaki, dialogue of cultures

For citation: Shemyakin F.Ya. Perception of space as a category of identity in Japanese architecture. The concept of «ma» as a form of self-knowledge. Architecture and Modern Information Technologies, 2025, no. 1(70), pp. 72-89.

Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/04_shemyakin.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-72-89. EDN: KFFPRZ

«Пустота не просто небытие, пустота – это лоно пространства

Форма кружит вокруг пустоты, вокруг отсутствующего центра – он и есть скрытый источник пространства в рудных жилах пустот»
Жак Дюпен²

Современная японская архитектура представлена многочисленными проектами, авторы которых апеллируют к культурно-историческому опыту Японии. В числе них известные архитекторы, сформировавшие облик японской архитектуры в XX-XXI вв. – (Киёнори Кикутакэ, Кэндзо Тангэ, Арата Исодзаки, Фумихико Маки, Кисё Курокава, Тойо Ито, Тадао Андо, Кэнго Кума, Дзюнья Исигами, Сигэру Бан и другие). При объяснении процессов формообразования, создания образа, эстетических и функциональных решений в своих проектных предложениях они часто апеллируют к опыту традиционной японской архитектуры, активно взаимодействуя или же вступая с ним в полемику. В связи с этим нам представляется важным ответить на резонный вопрос: является ли эта актуальность традиции в Японии способом легитимизации современной архитектуры, или же это потребность японцев в осознанном/бессознательном выражении своей культурно-эстетической парадигмы?

Актуальность традиционной японской архитектуры, как ни парадоксально, впервые была замечена за пределами Японии. В конце XIX века уже появляются первые фундаментальные исследования традиционной японской архитектуры³, однако именно ее «открытие» было связано с интересом европейских архитекторов уже в XX веке. Прежде всего оно было обусловлено заметным сходством ряда особенностей, характерных для традиционной японской архитектуры с решениями архитекторов модернистов, проявившихся как в конструктивных, так и в эстетических характеристиках [1, с.47]. Именно этот интерес позволил японским архитекторам отбросить некоторое пренебрежение своей архитектурной традицией, сформировавшееся после реставрации Мэйдзи, и, начиная с 20-х годов прошлого века, переосмыслить собственное наследие.

Однако данный подход, заключающийся в поиске черт, характерных для прогрессивного на тот момент модернизма, в традиционной японской архитектуре вел к искаженному восприятию, так как модернисты видели всю японскую архитектуру через призму минимализма и модульности, упуская из внимания все то, что им было не интересно. Настоящий поиск основ традиционной архитектуры начался несколько десятилетий спустя. Новый толчок к переосмыслению собственного наследия дала Вторая мировая война, если быть более точным, то ее последствия. После трагедии Хиросимы и Нагасаки, стертых с лица земли и опустошительных пожаров в Токио японские архитекторы столкнулись с колоссальным духовным и творческим кризисом,

² Дюпен Жак. Пространство другими словами / пер с фр. и вступ. Б. Дубина // Иностранная литература. 2004. № 2. С. 246-261.

³ Morse Edward Sylvester. Japanese Homes and their Surroundings. New York: Harper & Brothers, 1889. 372 p.

подтолкнувшим их к активному поиску новых концепций, выстраиваемых на основе глубокой саморефлексии, позволивший актуализировать опыт традиционной японской архитектуры. Архитектор Арата Исодзакэ, обращаясь к тому времени, вспоминал: «моим первым опытом в архитектуре было отсутствие архитектуры, и я начал размышлять о том, как люди могли бы перестроить свои дома и города»⁴. Закономерным итогом этого процесса стало формирование движения архитектурного метаболизма, объединившего многих в будущем знаменитых и влиятельных японских архитекторов, каждый из которых, продолжив свой профессиональный путь, оказал существенное влияние на развитие японской архитектурной мысли. Среди них стоит особо отметить работы Арата Исодзакэ, посвященные проблемам идентичности и «японскости» японской архитектуры, оказавшие колоссальное влияние на формирование образа Японии как в самой стране, так и за рубежом⁵.

Изучая работы историков и архитекторов, занимавшихся изучением традиционной японской архитектуры (и архитекторов-метаболистов, активно разрабатывавших эту проблематику, и современных исследователей), можно прийти к выводу, что природный и пространственный (пространственно-временной) аспекты имели ключевое значение в самоидентификации японских архитекторов. Стоит особо отметить, что центральная роль пространственного восприятия в японской архитектуре убедительно представлена в монографии Н.А. Коноваловой «Современная архитектура Японии. Традиции восприятия пространства». В ней автор выделил основные категории, характеризующие пространственное восприятие архитектуры в Японии⁶. Особый характер пространства также рассматривался исследователем японской архитектуры В.М. Сытником⁷.

Природный и пространственный аспекты взаимосвязаны – природная среда пространственна в той же мере, что и неприродная (искусственная или культурная). Особая роль пространства может быть рассмотрена через призму концепции «трех пространств» А. Лефевра и Э. Соджи: материального или физического, ментального или воображаемого и объединяющего их социального. Как утверждает историк Я.Г. Шемякин, эти «пространства пронизывает дихотомия природного и культурного, причем соотношение этих измерений различно во всех трех пространствах», при этом такое разделение «носит условный характер ... все три выступают как различные измерения единого пространства цивилизации» [2, с.7]. Приводя в качестве примера Россию и Латинскую Америку, он приходит к выводу о том, что материальное пространство в них играет ключевую роль, а «отличительной особенностью структуры пространственно-временного континуума ... является доминанта пространства» [2, с.7], ставшая основой цивилизационной идентичности. Д.Н. Замятин писал, что «любая цивилизационная идентичность содержит в себе в той или иной мере, в открытых или скрытых формах географические образы. Такие образы – неотъемлемая и естественная часть цивилизационной идентичности» [3, с.64].

Сквозь призму такого подхода, по нашему мнению, необходимо смотреть и на Японию, где физическое пространство природы является важной константой существования нации, предопределившей структуру пространственно-временного континуума. Представляет интерес классификация национальных культур П.А. Решетниковой.

⁴ Arata Isozaki Biography // The Pritzker Architecture Prize. URL: <https://www.pritzkerprize.com/laureates/arata-isozaki#laureate-page-2051> (дата обращения: 01.12.2024).

⁵ Isozaki Arata, David B. Stewart. Japan-ness in Architecture. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2006. 349 p.; Isozaki Arata. Island Nation Aesthetic (Polemics). London: Academy Editions, 1996. 59 p.; Isozaki Arata. Ma, Space-time in Japan [exhibition at the Cooper-Hewitt Museum, New York, 1979]. Cooper-Hewitt Museum, 1979. 66 p.

⁶ Коновалова Н.А. Современная архитектура Японии: традиции восприятия пространства. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История. 2017. 258 с.

⁷ Сытник В.М. Основные концепты категории пространства в японской архитектуре // Альманах Пространство и Время. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kontsepty-kategorii-prostranstva-v-yaponskoy-arhitekture> (дата обращения: 01.12.2024).

Выделив пространственно-временной фактор как основу, можно условно разделить национальные культуры на две категории. К первой относятся культуры, в которых уделяется особое внимание изменениям во времени, ко второй те, в которых внимание сосредоточено на организации пространства. В этой классификации японская культура относится ко второму типу [4, с.270]. Нельзя не отметить дискуссионный характер такого рода разграничения. Изменение во времени в данном случае предполагает именно линейное развертывание, в то время как цикличность времени служит критерием пространственно-ориентированной культуры. Экстремальные природные условия, при которых, например, материальность архитектуры из категории постоянства, переходит в категорию изменчивости в виду вынужденного обновления (*genius loci* в таких условиях становится явлением относительным [5, с.135]), позволяют рассматривать темпоральное измерение как еще один фактор, цикличность которого также предопределила внимание к организации пространства.

Однако категория времени в цивилизационном пространстве Японии не является столь однозначно читаемой. Страна пережила сильнейшее потрясение при реставрации Мэйдзи, затронувшее не только восприятие истории и собственной традиции, но и восприятие времени. Япония перешла на григорианский календарь и западную 24-часовую систему в течение первого десятилетия Мэйдзи [6, с.166]. Этот процесс не мог не оказать существенное влияние на понимание исторического процесса. Результатом резкого разрыва с традицией стало предложение японского историка Сокити Цуда разделить исторический подход в японском обществе на два типа: тот, что фиксирует прошлое и тот, что возник после реставрации Мэйдзи, воплощающий ценности прогресса [6, с.174]. Тем не менее, действительно можно провести границу между западным и восточным восприятием времени – в то время как на Западе оно ориентировано почти исключительно на непрерывность и длительность, на Востоке (прежде всего речь идет о буддизме, оказавшем колоссальное влияние на японское мировосприятие) «доктрина мгновенного бытия подчеркивает радикальную прерывность и абсолютное отсутствие длительности во времени» [7, с.131]. Обычным примером, используемым для объяснения этого явления, является образование волн в море [8, с.8], постоянно исчезающих и возникающих одна за другой. Стоит отметить тот факт, что на Востоке «пространство и время на протяжении тысячелетий рассматривались как сосуществующие: пространство формируется в многомерном поле времени, а время происходит в безграничной пустоте пространства» [9, с.3].

Предпосылки к формированию особого типа национальной культуры в Японии во многом были обусловлены динамикой исторического развития и целым комплексом географических и климатических факторов. Частые землетрясения, цунами, тайфуны, наводнения, повышенная влажность, термиты – вот тот природно-климатический контекст, в котором развивалась традиционная японская архитектура. Совокупность этих факторов способствовала тому, что внимание к внутреннему миру и необходимость оперативного изменения среды из-за постоянных природных катаклизмов формировали особое отношение к материальному, в рамках которого здание, построенное человеком, не являлось константой физического мира, а лишь мгновением, которому было суждено в скором времени обратиться в прах. Влияние природных катастроф, непостоянство и эфемерность жизни также нашли свое отражение в буддийском мировосприятии, например, по мнению Брайана Р. Синклера, значимые буддийские концепции, такие как эфемерность, непостоянство и непривязанность, оказали заметное влияние на теории и практики проектирования в Японии [10].

Эти особенности японского менталитета, как писал К. Курокава, послужили истоком традиции перестройки святилищ, как символа вечности в постоянном обновлении [11, с.32]. Речь здесь идет, прежде всего о синтоистском Храме Исэ и традиции его перестройки каждые двадцать лет (рис. 1). На самом деле это целый храмовый комплекс синтоистских святилищ, которые также подвергаются периодической реконструкции, как и главные храмы. На соседних участках строится новое святилище, полностью идентичное старому. Священные предметы переносят в новое здание, а старое сравнивают с землей.

Ритуальные предметы и облачения монахов также изготавливаются заново каждые двадцать лет [12, с.126]. Однако это явление, в силу его тесной связи с императорским культом и государственной протекцией, вероятно, нецелесообразно понимать как общий культурный архетип, будь то японский или азиатский. Кроме того, антиматериалистические значения, часто приписываемые ему сегодня, не находят поддержки в текстах, предшествующих концу XIX века, когда эти значения появились в письменной форме, большая часть которых предназначалась для иностранной аудитории [12, с.152].

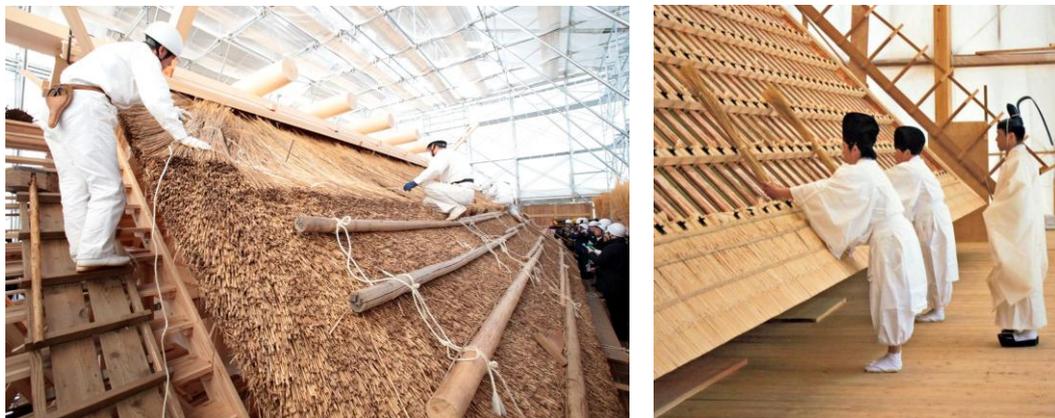

Рис. 1. Исэ-Дзингу. «Сикинэн сэнгу» – ритуал перестройки и обновления каждые 20 лет

Парадоксальное восприятие пространства в японской культуре во многом обусловило сам процесс поиска идентичности. Понимание традиционной архитектуры и самоидентификация японских архитекторов были тесно связаны с понятием пространства. При проведении сравнительного анализа между памятниками западной архитектуры и традиционным японским зодчеством, можно прийти к выводу, что до конца XIX века в Японии отсутствовало какое-либо понимание концепции пространства как отдельной «положительной сущности», и только в конце XIX века, когда в японском языке появилось новое слово *кукан*, понимание данной концепции вышло на новый уровень [13, с.55]. Впрочем, с данным тезисом можно поспорить, так как в том числе и западные «теоретики и историки архитектуры больше занимались формой и процессами формообразования, нежели вопросами пространства» [14, с.54], что отмечает Сета Лоу, выделяя интерес к понятию пространства у архитекторов между 1890-1970 гг. и роль немецкой философии в его формировании. Гюнтер Ницшке писал, что пространство никогда не понималось как физический фактор и поэтому нельзя надеяться найти понимание пространства, исследуя историю обращения японцев с формой и пространством, а из анализа лучших примеров японской архитектуры скорее можно сделать вывод, что пространство как сущность вообще не существует [15, с.117].

К не менее парадоксальным выводам приходит Ботонд Богнар, утверждая, что само понятие пространства никогда не приходило в голову японцам, и поэтому, по иронии судьбы, в традиционной японской архитектуре не было таких понятий, как пространственное манипулирование или конструирование [5, с.135]. И только лишь в 1960-е термин пространства появился в японских архитектурных изданиях [13, с.56], что, как было указано выше, совпадает с началом активного послевоенного поиска идентичности. Также этот тезис подтверждает Хадзимэ Яцука, который пишет о том, что «в истории японской архитектуры, отсутствовало понятие пространства и, как следствие, не было специально спроектированных пространств» [16, с.104]. Он также отмечает работы Мицуо Иноуэ, приводя пример авторского подхода к традиционной японской архитектуре по принципу, который на самом деле не существовал, но при этом «кажется естественным, как если бы японская архитектура формировалась в процессе развития сознательной интерпретации пространства» [16, с.102].

Тем не менее, стоит еще раз отметить, что выделение пространства как отдельной категории без упоминания категории времени, ведет к искажению восприятия – пространство-время неразрывно связаны друг с другом. Наиболее емко этот аспект в японской культурно-эстетической парадигме описал Арата Исодзакэ, выразив пространственно-временную категорию через понятие *ма* 間. Архитектор писал: «понятие *ма*, или интервала, в объяснении которого мы, японцы, не нуждаемся, пронизывает нашу жизнь и наше искусство в целом, а также наши чувства, методы и художественное сознание» [17, с.47]. Исодзакэ также исследовал пространственные характеристики японской архитектуры, выделив «плоскостность» как особый способ восприятия пространства в Японии [18, с.42]. Возможно, в данном случае уместно говорить не о понятии, слове или концепции, несмотря на близость их значений. *Ма*, по нашему мнению – это скорее языковой концепт, «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [19, с.43].

Ма означает промежуток между пространственными или временными вещами и событиями, он не только используется в составных словах, но и имеет такие значения, как промежуток, пространство между, время между и так далее. Например, в комнате появляется *ма*, как пространство между стенами, в музыке это пауза между нотами или звуками. В более широком смысле *ма* также означает «среди». В сложном слове *нингэн* 人間 (человек), например, *ма* (здесь читается как *гэн*) подразумевает, что люди находятся внутри, среди или в отношениях с другими, приобретая реляционное значение – динамическое значение положения внутри, с, среди или между [20, с.255-256]. Ницшке выделяет, например, следующие области бытования *ма*: область объективности, которая делится на одномерную, двухмерную, трехмерную и четырехмерную реальности; область субъективности, которая делится на сферу опыта, искусства и общества; область метафизики⁸. Все эти области могут быть раскрыты с применением концепта *ма* через японские слова, включающие в себя иероглиф 間.

К этому понятию также обращается К. Курокава, утверждая, что *ма* как промежуток находит свое отражение в энгаве – галерее, служащей переходным элементом между домом и садом. Сам архитектор раскрывает концепцию промежуточного пространства, называя его «серым пространством» между замкнутым пространством внутри и открытым снаружи [21, с.421]. Энгава существует между ними в этой «серой зоне», она «предназначена для того, чтобы выразить связь между природой и архитектурой и объединить вместе различные архитектурные группы» [11, с.10].

Является ли этот концепт действительно столь всеобъемлющим и характерным для японской культуры? Примечательно то, что до того, как концепт *ма* был представлен впервые в 1978 году на выставке «MA Espace-Temps au Japon» (рис. 2) в Париже⁹, сами японцы не выделяли его в том всеобъемлющем и исключительном значении, в котором его описал Исодзакэ. Каталог с пояснениями (рис. 3) раскрыл *ма* через систему понятий, позволив сформировать целостное видение сложного и многогранного культурного феномена. В публикации журнала *New York Times* 1979 года, в обзоре выставки, которая к этому времени продолжила свою работу в Нью-Йорке, было написано следующее: «концепция *ма*, или пространства-времени, является обычным явлением в японской культуре, но ее роль как определяющего элемента всей архитектуры и дизайна, оказывающего влияние на все фазы жизни, совершенно чужда западному сознанию»¹⁰. Тем более показательным является пример того, как в 1984 году в Японии во время

⁸ Nitschke, Gunter. MA: Place, Space, Void. (May 16, 2018 / HIDDEN JAPAN) // *Kyoto Journal*. URL.: <https://www.kyotojournal.org/culture-arts/ma-place-space-void/> (дата обращения: 01.12.2024).

⁹ Arata Isozaki Exposition Archive 1978 MA Espace-Temps au Japon // Festival d'Automne à Paris. URL.: <https://www.festival-automne.com/en/edition-1978/arata-isozaki-exposition-espacetemps-japon> (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁰ ARCHITECTURE VIEW March 25, 1979, Section D, Page 31 // The New York Times Company. URL.: <https://www.nytimes.com/1979/03/25/archives/architecture-view-on-the-japanese-esthetic.html> (дата обращения: 01.12.2024).

визита французской делегации французская сторона часто упоминала ставшую всемирно известной к этому времени выставку, поставив в неудобное положение японских коллег, так как сами японцы о ней ничего не знали. Выставку не привозили в Японию и о ней не было упоминаний в прессе¹¹. В итоге Жак Деррида, как вспоминал с иронией сам Исодзакэ, не мог не объяснить японской делегации значение *ма* намного лучше, чем он сам [22].

Рис. 2. Экспозиция выставки «MA Espace-Temps au Japon», Париж, 1978 г.

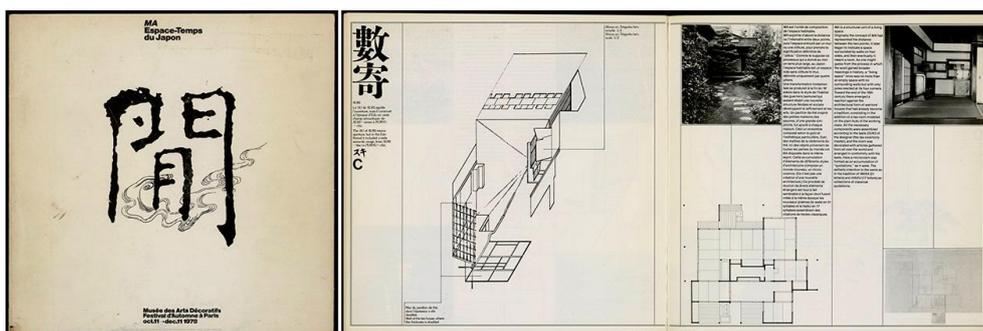

Рис. 3. Каталог с выставки «MA Espace-Temps au Japon», Париж, 1978 г.

Этот пример соответствовал общей тенденции развития нового типа общества и архитектуры во второй половине XX века. Архитектура с изменяемой геометрией, не подчиняющаяся последовательной и понятной логике, подразумевала поиск новых основ культурной и архитектурной этики в других областях – многие стали обращаться к восточной философии, поэтому японские концепции были легко приняты в западном сознании и стали критерием оценки работ японских архитекторов (*оку*, *саби*, *фурию* – все эти понятия также были «открыты» западными исследователями в глубоком прошлом японской культуры) [23, с.19]. Это стало логическим продолжением постмодерна, характеризующего изменение исследовательской оптики. При поиске смыслов и формировании подходов к традиционной культуре стал важен опыт и личная интерпретация, «в отсутствие последовательной системы ценностей архитектура была раздроблена, подчиняясь эмоциям момента, где каждый архитектор мог ориентироваться так, как он считает нужным» [23, с.19]. Собственно, критике того, настолько в итоге «японским» оказался концепт *ма*, посвящена статья «The Limits of Ma» [24], в которой авторы доказывают, что это понятие *ма* является относительно недавним развитием

¹¹ Только в 2000 году выставка наконец прошла в Токио под несколькими названиями – "MA-Twenty Years on" и "IKI - Espace-Temps du Japan". URL: <https://www.japanhouse.com/events/rethinking-of-ma/> (дата обращения: 01.12.2024).

японской мысли XX века, которая возникла из диалога с немецкой феноменологией, в частности с Мартином Хайдеггером. Важность изучения наследия Хайдеггера и Дерриды для понимания процессов, происходивших в Японии XX века, и осмысления характера диалога с традиционной культурой, также отмечается в работах Михаила Лазарина, посвященных проблемам феноменологии японской архитектуры¹², которые также разрабатывались самим Исодзаким¹³.

Проблемам межкультурной коммуникации Исодзаким уделял особое значение: «чтобы люди за рубежом поняли японскую культуру ... недостаточно просто показать им что-то или даже объяснить концепцию на японском языке, вы должны объяснить ее, используя имеющуюся у них логику... Другими словами, мы читаем несовременный, незападный мир Японии с современной европейской точки зрения» [22]. Такой подход к взаимодействию с чужой культурой близок принципам диалогичности М.М. Бахтина – условия осуществления подлинного диалога по М.М. Бахтину подразумевают необходимость одновременно слиться с «Другим» и сохранить основу собственной идентичности, дистанцию по отношению к иному участнику диалога [25, с.366]. Концепт *ма* – это попытка представить неуловимое, но понятное японцам в японской культуре так, чтобы носитель иного культурного кода сумел это осознать.

Кевин Нут, теоретик архитектуры, специализирующийся, в частности, на транскультурных аспектах традиционной японской архитектуры, также отмечал, что трактовка концепта *ма* как уникального японского явления подразумевает то, что объединение пространства и времени в японском концепте *ма* было уникальным, но проблема заключается в том факте, что понятие интервала обычно используется для описания как пространства, так и времени в других языках. Также он отмечает, что пространственные термины часто используются для описания временных идей в других языках, приводя следующие примеры: английское слово *space* в своем первоначальном варианте на самом деле имело почти то же значение, что и китайский иероглиф 間 – «пустой интервал» или пустота. Оно также было сокращением старофранцузского слова *espace*, означающего «период времени, расстояние, интервал», которое, в свою очередь, произошло от латинского слова *spatium*, означающего «комнату, площадь, расстояние, отрезок времени». Из этого следует вывод, что предположение о том, что японский язык в целом и термин *ма* в частности были каким-то образом уникальны в сочетании пространства и времени, прямо противоречит примерам других языков [13, с.54-55].

С этими доводами невозможно не согласиться, однако такого рода трактовка не учитывает тот факт, что *ма* для того же Исодзаким – это глубокое и живое слово, которое нельзя анализировать и интерпретировать вне границ культуры и языка, понятие, которое существует на границе между традиционным и современным искусством, между религией, искусством и культурой.

Стоит обратить внимание на то, что, как видно из приведенных ранее примеров, сам характер осмысления японцами своей культуры через европейский опыт постоянно повторяется на протяжении последних столетий. Устойчивость такого процесса позволяет предположить, что это тоже своего рода константа японской культуры, и, возможно, эту особенность японской культуры можно отнести к тому, что Ф. Бродель называл *structures de longue durée* – структурами большой длительности. Циклический характер повторения одних и тех же событий при разных переменных также позволяет предположить, что постижение японцами своего «я» через призму понимания иного является устойчивым феноменом, без которого нельзя рассматривать историю японской архитектуры. В этом

¹² Lazarin, Michael. Phenomenology of Japanese Architecture: En // *Studia Phaenomenologica*, 2014(14), pp. 133-159; Lazarin, Michael. Phenomenology of Japanese Architecture: Heidegger and Derrida // *Interdisciplinary Phenomenology*, 2004 (1), pp. 189-206; Lazarin, Michael. Temporal Architecture: Poetic Dwelling in Japanese Buildings // *FootPrint: Delft School of Design Journal*, 2008, vol.3, pp. 97-111.

¹³ Isozaki, Arata. Floors and Internal Spaces in Japanese Vernacular Architecture: Phenomenology of Floors // *RES: Anthropology and Aesthetics*, 1986 no. 11, pp. 54-77.

контексте, например, несмотря на «приобретенный» характер концепта *ма*, вполне уместно говорить о его «японскости». Постигание себя через опыт другого, как мы видим, характерно для японской культуры в целом и архитектуры в частности. Важность этой особенности осознается и самими японцами. Кристофер Мид в своей работе «The Hypospace of Japanese Architecture» приводит парадоксальное высказывание японского философа Вацудзи Тэцуро о том, «что уникальность его страны зависит от ее открытости внешнему влиянию: “Японская культура – это не то, что стоит как противоположность иностранной культуре, но то, что на самом деле рождено из иностранной культуры”. Перевод внутри перевода, долгая история Японии по импорту иностранных идей – это не столько ассимиляция, сколько трансформация, не столько процесс индигенизации, сколько культурное изобретение» [9, с.5].

Концепт *ма* действительно стал важным для понимания японской культуры – не случайно именно к нему неоднократно апеллируют как западные архитекторы, так и сами японцы. Действительно, интерес ко многим аспектам японской культуры, ранее не находившимся столь явно в фокусе внимания исследователей, проявился после окончания оккупации во второй половине XX века, когда японскому обществу требовалось выстраивать новую концепцию будущего. Этот процесс не ограничивался творческим поиском идей среди архитекторов и философов, развивавшихся в рамках постмодернистской парадигмы. Сюда можно отнести и заинтересованность в синто-буддийском синкретизме, опыт и диалогический потенциал которого был важен для выстраивания диалога с западным миром, и новые исследования в области синтоизма, связанные с переосмыслением роли этой важной составляющей японской культуры, после травмирующей памяти государственного синто [26, с.4].

Стоит учитывать тот факт, что традиционная культура не занимается саморефлексией, и, как нам кажется, важность этого концепта и его роль в японской культуре вполне обоснованно получилось выявить уже во второй половине XX века, когда появился понятийный аппарат, возможность и насущная потребность отрефлексировать собственный культурно-исторический опыт. Во многом именно эти процессы предопределили возникновение архитектурного метаболизма, пожалуй, одного из самых влиятельных авангардных движений в современной японской архитектуре [27, с.604], изучение которого в XXI веке стало особо актуально в контексте концепции устойчивого развития: гибкость подхода архитекторов-метаболистов нашла свое отражение в современных градостроительных теориях, подразумевающих устойчивое и динамичное развитие городского пространства¹⁴.

Также скажем несколько слов в защиту уникальности концепта *ма* и его воплощения в японской архитектуре – несмотря на то, что, как справедливо указал Кевин Нут, понятие интервала, промежуточного пространства и диалогический характер соотношения времени-пространства не являются чем-то исключительно японским (как и многие архитектурные решения, характерные для зданий на территориях со схожими природно-климатическими условиями), нельзя не отметить тот факт, что именно в Японии трактовка этих универсальных категорий получила столь привлекательную для взгляда многих архитекторов интерпретацию, сформировав особую культурно-эстетическую парадигму. Ведь уникальность скорее определяет не наличие одних и тех же исходных позиций, а умение их переосмыслить и отрефлексировать.

Как отмечает Ричард Б. Пилигрим, парадигмы, являясь фундаментальными способами видения или понимания мира, пронизывают разнообразие форм культуры [20, с.257]. В этом контексте само понятие представляется не как термин, а как религиозно-

¹⁴ Шемякин Ф.Я. Симбиоз как принцип устойчивого развития: опыт японской архитектурной мысли второй половины XX в. / Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. Москва: МАКС Пресс, 2021; Eken, Cemaliye & Alpar Atun, Resmiye. The Self-Organizing City and the Architecture of Metabolism: An Architectural Critique on Urban Growth and Reorganization // Sustainability, 2019, vol. 11(19), 5326. URL: <https://doi.org/10.3390/su11195326>

эстетическая парадигма японской культуры, утверждающая силу и значение интервалов и промежутков во времени, пространстве и бытии [20, с.276].

Не менее интересно с точки зрения культурной антропологии то, как японцы продолжают воспроизводить концепт *ма* в XXI веке. Помимо огромного количества коротких научно-популярных статей, блогов, эссе, заметок и прочих, не обладающих значимой научной ценностью материалов, есть попытки серьезного осмысления этого культурного явления в архитектурном сообществе как среди японцев, так и среди молодых западных исследователей на уровне магистерских диссертаций¹⁵. Интерпретировать *ма* также пытаются и в рамках учебного процесса – интересным примером может послужить итог учебной поездки на Кюсю в июле 2019 года группы Эйнховенского технического университета, члены которой, под руководством Воутера Хилхорста попытались найти *ма* в повседневных ситуациях и графически осмыслить, представив на кафедре университета итог своей работы в формате выставки с каталогом¹⁶. *Ма* также находит свое отражение в названии известной галереи «Gallery MA» (Ногизака, Токио), которая занимается организацией персональных выставок архитекторов со всего мира. Сама галерея имеет особую пространственную конфигурацию – два ее независимых выставочных зала соединены внешним двором¹⁷.

Интерес к теме находит свое отражение не только в многочисленных выставках¹⁸ по всему миру, но и в попытках переосмыслить концепт *ма* в реалиях нового времени. Эту задачу постаралась решить команда исследователей JAPAN HOUSE (проект Министерства иностранных дел Японии, Лос-Анджелес), организовавшая серию вебинаров, посвященных концепту *ма* «Rethinking of MA»¹⁹ и его проявлениях в разных аспектах культуры Японии. Среди них особенно стоит отметить вебинар «MA in Contemporary Japanese Architecture»²⁰, с докладом на котором выступал ведущий японский архитектор, Манабу Тиба, профессор Токийского университета и директор Chiba Manabu Architects. В ходе своего выступления профессор представил свои проекты, в которых он реализовывал концепцию промежуточного пространства. Однако в своем выступлении он уделял больше внимания не самому понятию *ма*, а средовому подходу и формах взаимодействия людей в промежуточном пространстве, где *ма* понимается как «отношения/расстояние между людьми». Рассмотренные им «House in Kataseyama», «Villa in Setouchi», «Kogakuin University» (рис. 4) представляют собой проекты разного масштаба и назначения, однако в каждом из них, будь то здание университета, вилла на берегу или частный жилой дом, особая роль отводится промежуточному пространству, образующему социальные и средовые связи.

¹⁵ Goda, Sachiyo. An investigation into the Japanese Notion of 'Ma': Practising Sculpture within Space-Time Dialogues. Doctoral thesis. Northumbria University, 2011; Bellerose, Christine. Being Ma in Movement: Space-Time in Butoh, Somatic Practice, and Durational Performance Art. Thesis (Master's). York University. Toronto. 2015.

¹⁶ MA // Atelier Wouter Hilhorst. URL: https://www.atelierwouterhilhorst.com/project/ma/#pll_switcher (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁷ About TOTO GALLERY • MA. URL: https://jp.toto.com/gallerma/about/index_e.htm (дата обращения: 01.12.2024).

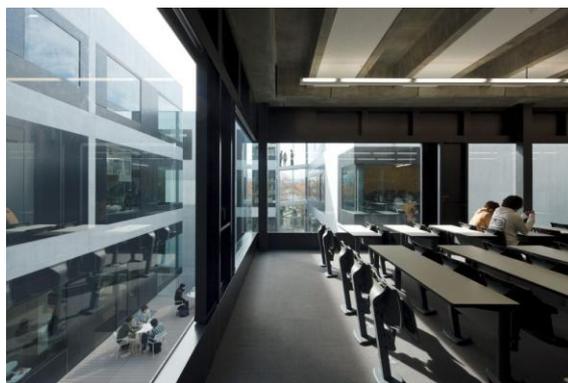
¹⁸ MA: In-between space in everyday Japan // Eindhoven University of Technology. URL: <https://research.tue.nl/en/publications/ma-in-between-space-in-everyday-japan>, (дата обращения: 01.12.2024); Arata Isozaki on "Ma," the Japanese Concept of In-Between Space // ArchDaily. URL: <https://www.archdaily.com/882896/arata-isozaki-on-ma-the-japanese-concept-of-in-between-space> (дата обращения: 01.12.2024); MA Exhibition 2023. Third interdisciplinary MA space-time exhibition. Tabriz 2023 MA Art and Space between Iran/Japan // Villa Magazine. URL: <https://villanews.ir/en/news/ma-exhibition-2023> (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁹ Rethinking of MA: Space - Time 2020 // JAPAN HOUSE Los Angeles. URL: <https://www.japanhousela.com/events/rethinking-of-ma/> (дата обращения: 01.12.2024).

²⁰ MA in Contemporary Japanese Architecture // JAPAN HOUSE Los Angeles. URL: <https://www.japanhousela.com/events/ma-in-contemporary-japanese-architecture/> (дата обращения: 01.12.2024).

а)

б)

в)

г)

Рис. 4. Проекты компании «Chiba Manabu Architects»: а) общеобразовательный корпус университета «Kogakuin University», г. Хатиодзи, Токио, 2012 г.; б) учебная аудитория университета «Kogakuin University»; в) интерьер виллы «Villa in Setouchi», Хиросима, 2019 г.; г) интерьер частной резиденции «House in Kataseyama», г. Фудзисава, Канагава, 2014 г.

В кампусе, состоящем из четырех примыкающих друг к другу зданий, все лекционные залы обращены друг к другу через промежуточное пространство, так, что где бы ни был посетитель, он может видеть или чувствовать, что происходит в других аудиториях. В этом проекте организация пространства как бы перевернута – коридор спроектирован снаружи, в то время как аудитории со сплошным остеклением обращены друг к другу. В частном доме каждая комната представляет собой как бы отдельную квартиру с окнами, через которые можно видеть гостиную и комнаты других членов семьи. Эта система формирует своего рода пространственный парадокс, где каждое пространство отделено, но в то же время каждое из них соединено. А при проектировании виллы профессор разорвал замкнутый контур стен, формируя своего рода проницаемую структуру. Здесь его подход соответствует организации пространства в японской традиционной архитектуре, где здания «выходят за пределы непостоянных стен прямо в окружающую среду» [16, с.101]. При этом, отмечая важность идеи концепта *ма*, Манабу Тиба в ходе своего доклада почти не использовал сам термин, отмечая его обыденность и необходимость поиска новых слов для пересмотра понятия *ма*.

Тем не менее концепт *ма*, прочно укоренившийся в сознании европейцев и японцев, сыграл важную роль – он отошел от статичного понимания традиционной архитектуры. Пространство в архитектуре от XX века к XXI веку прошло процесс эволюции из трехмерного измерения в четырехмерное, где здание как процесс довлеет над зданием как объектом. Нельзя не согласиться с тем, что «осознание того, что здания являются

динамическими событиями – феноменами пространства-во-времени, а не инертными объектами вне времени – продолжает формировать японскую архитектуру»²¹ по сей день.

Возможно, приписываемая именно японской культуре исключительность *ма* в итоге сыграла с японцами злую шутку, создав своего рода парадокс, ведь форма фиксации *ма* в языке – это изначально китайский иероглиф 間, интерес к пространству как сущности сформирован под воздействием западной интеллектуальной мысли, а интерес к промежуточному пространству и понимание архитектуры как процесса были общими для второй половины XX века. Ретроспективный анализ появления и эволюции концепта *ма* обнажает основы единства человеческой культуры, выявляя при этом два способа формирования картины мира по А.Ф. Кофману (авторская концепция осмысления художественной литературы вполне может быть экстраполирована в область архитектуры) – прямой, при котором нет посредника при обращении к национальной действительности и обратной, особенность которой состоит «в том, что картина мира выстраивается в постоянном сопоставлении, с иной культурой или картиной мира, неважно, будь то соседний народ, с которым идут многовековые распри, или народ, живущий на обратной стороне Земли» [28, с.19]. История *ма* является убедительным примером применения обратной стратегии выстраивания картины мира.

И вновь вернемся к тому, почему *ма* стал именно концептом в нашем понимании – это не только то, что входит в ментальный мир человека, но и то, «посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [19, с.43]. Несомненно, задумывавшееся как многозначное понятие для трансфера идей и смыслов авторского видения японской культуры «творцом культурных ценностей» Арата Исодзаки, *ма* в итоге – это универсальный в своей доступности инструмент постижения и самопознания японской архитектуры.

Не менее важным в пространственном осмыслении японской архитектуры является проявление пустоты, которое также тесно связано с религиозно-эстетическим влиянием учений буддизма и синтоизма. Опуская традиционную архитектуру синтоистских святилищ и чайных домов, обратимся к современным примерам. Одной из наиболее ярких реализаций осмысления пустоты в архитектуре является Тайчжунский национальный оперный театр архитектора Тойо Ито, где форма образована пустотой (рис. 5). Объект существует как бы в промежутке, он образован выявлением пустоты в материальном теле здания, промежуточным пространством, не имеющим начала и конца. Этот пример также соответствует принципу проектирования, «не как процесса создания или манипулирования формами, а как очищения пространства, промежутка, чтобы форма/пустота заявила о себе» [29, с.76]. В этом проекте пустоты внутри здания определяют его функциональные, эстетические и конструктивные характеристики. Непрерывность и текучесть промежуточного пространства, образованного постоянными переходами, возведенные в абсолют, позволяют по-новому оценить перспективы оперирования абстрактными категориями в конкретной проектной практике. Не менее интересной представляется концепция «смирения» в архитектуре Кэнго Кумы, сформулированная в противовес выразительной экспрессии проектов многих современных японских архитекторов, ведь именно «пустота в архитектурном произведении, по мнению японских зодчих, помогает свести к минимуму амбиции его творца» [30].

Отдельно стоит отметить, что цифровая реальность и японское восприятие пространства имеют общие черты. Видение мира как сети дискретных событий, разделённых интервалами не-событий, характерное для японской культуры, соответствует буддийскому пониманию пространства и находит свое отражение в информационной сети [31].

²¹ The Hypospace of Japanese Architecture // ArchDaily. URL: <https://www.archdaily.com/998273/the-hypospace-of-japanese-architecture> (дата обращения: 01.12.2024).

Рис. 5. Национальный оперный театр в Тайчжуне, архитектор Тойо Ито, 2014 г.:
а) экстерьер; б) интерьер

Нам представляется, что наиболее ценным опытом для практикующих архитекторов, который можно получить при изучении японской архитектуры, является метод работы с пространством, основывающийся на характерном для японской культуры понимании пространственных отношений, сформировавшийся при переосмыслении собственного культурного наследия под влиянием западного понимания японской традиционной культуры. С развитием интернета и новых форм виртуальной реальности мир, возможно, непреднамеренно стал ближе к традиционным японским представлениям о человеке и окружающей его действительности [31]. Более того, в современном мире, где архитектура переходит в состояние нелинейности и дигитальности, в таком методе вполне можно найти ключи к решению современной архитектурной головоломки – как выразить нематериальный виртуальный мир средствами архитектурной выразительности.

В конце хотелось бы обратиться к работе Добрицыной Ирины Александровны, в которой она рассуждает о двух эпохальных вызовах перед современной архитектурой: вызове глобализации и дигитализации и вызове собственной памяти, проблеме опасности потери самоидентификации [32, с.380-382]. Отвечает ли на эти вызовы опыт японской традиционной архитектуры? По нашему мнению – да. Именно поэтому традиционная японская архитектура в XXI веке вновь стала востребованной – история с модернизмом, когда западные архитекторы открыли для себя современную древность, вновь повторяется.

Источники иллюстраций

Рис. 1. [Soul of Japan] Shikinen Sengu, the Ritual of Rebuilding and Renewal // JAPAN Forward. URL: <https://japan-forward.com/soul-of-japan-shikinen-sengu-the-ritual-of-rebuilding-and-renewal/> (дата обращения: 01.12.2024).

Рис. 2. Arata Isozaki Exposition Archive 1978 MA Espace-Temps au Japon // Festival d'Automne à Paris. URL: <https://www.festival-automne.com/en/edition-1978/arata-isozaki-exposition-espacetemps-japon> (дата обращения: 01.12.2024).

Рис. 3. MA Espace-Temps du Japon: Musée des Arts Décoratifs Festival d'Automne à Paris oct.11-dec.11 1978: Document de communication du Festival d'Automne à Paris - tous droits réservés. 1978.

Рис. 4. а, б) Kogakuin University // Chiba Manabu Architects. URL: <http://chibamanabu.co.jp/projects/23/> (дата обращения: 01.12.2024);

в) Villa in Setouchi // Chiba Manabu Architects. URL: <http://chibamanabu.co.jp/projects/1202/> (дата обращения: 01.12.2024); г) Chiba Manabu Architects. House in Kataseyama. URL: <http://chibamanabu.co.jp/projects/157/> (дата обращения: 01.12.2024).
 Рис. 5. Rory Stott. Toyo Ito's Taichung Metropolitan Opera House Photographed by Lucas K Doolan // ArchDaily. URL: <https://www.archdaily.com/796428/toyo-itos-taichung-metropolitan-opera-house-photographed-by-lucas-k-doolan> (дата обращения: 01.12.2024).

Список источников

1. Hojda O. A Bewildering Affinity: Japanese Traditional Building and European Modernist Architects after World War II // *Umeni / Art*. 2019, Vol. 67, Issue 1/2. P. 47-63.
2. Шемякин Я.Г. К вопросу о роли пространства в цивилизационной системе: опыт «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба в универсальном контексте // *Новая и Новейшая история*. 2020. Выпуск 3. С. 7-20.
3. Замятин Д.Н. Россия и нигде. Географические образы и становление российской цивилизационной идентичности // *Диалог со временем*. Выпуск 24, 2008. С. 64-90.
4. Решетникова П.А. Организация пространства в японской культуре: концепты и модели // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2007. Т. 49, № 13. С. 269-278.
5. Bognár B. Typology of Space Constructions in Contemporary Japanese Architecture = Gendai Nihon Kenchiku Ni Okeru Kūkan Kōsei No Taiporogī // *Japan: Climate, Space and Concept = Nihon No Futo to Kenchiku Kukan*. Tokyo: Process Architecture, 1981. (Process Architecture, № 25). P.135-161.
6. Tanaka S. Time and the Paradox of the Orient // *Toajia bunka kosho kenkyu*, 4 (bessatsu). 2009. № 3. P.165-177.
7. Stambaugh J. Time, finitude, and finality // *Philosophy East and West*. 1974. № 24 (2). P.129-135.
8. Gonçalves M.P. Time as formgiver in Japanese architecture. Building rehabilitation and adaptation in the Hakozaki Campus of the Kyushu University, in Fukuoka, Japan: master's thesis / Mariana Pedro Gonçalves; Universidade de Lisboa. Lisbon, 2015.
9. Mead Ch.C. *The Hyospace of Japanese Architecture*. Singapore: ORO Editions, 2023. 784 p.
10. Sinclair B.R. Japanese Spirituality, Flexibility and Design: Influences and Impacts on Agile Architecture + Open Building // *Architectural Research Addressing Societal Challenges. International Research Conference: Architectural Research Centers (ARCC) / European Association of Architectural Educators (EAAE)*, University of Lisbon, Portugal. Lisbon, 2016. P. 833-840
11. Kurokawa K. *Metabolism in architecture*. London: Studio Vista, 1977. 208 p.
12. Sand J. Japan's Monument Problem: Ise Shrine as Metaphor // *Past & Present*. 2015. № 226. P. 126-152.
13. Nute K. Space, Time, and Japanese Architecture: The Birth of a New Temporal Tradition // *The International Journal of Architectonic, Spatial, and Environmental Design*. 2019. № 13 (3). P. 51-63.
14. Лоу С. Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места / пер. с англ. Н. Проценко. Москва: Новое литературное обозрение, 2024. 398 с.

15. Nitschke G. Ma: The Japanese Sense of Place in Old and New Architecture and Planning // Architectural Design. 1966. Vol. 36. № 3. P. 116-156.
16. Ятцука Х. Парадокс пространства в современной японской архитектуре = Paradox of space and its sublation in Japanese modern architecture / пер. с англ. Н.А. Трофимова // Архитектура и строительство России. 2016. № 4(220). С. 100-105.
17. Isozaki A. Island Nation Aesthetic (Polemics). London: Academy Editions, 1996. 59 p.
18. Locher M. Traditional Japanese Architecture: An Exploration of Elements and Forms. Tokyo: Tuttle Publishing, 2012. 651 p.
19. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Академический Проект, 2004. 991 с.
20. Pilgrim R.B. Intervals ("Ma") in Space and Time: Foundations for a Religio-Aesthetic Paradigm in Japan // History of Religions. 1986. Vol. 25. № 3. P. 255–277.
21. Jiang P. The Ambiguous Boundary between Buildings and Environment: Exploring the Interpretation of Traditional Aesthetic in Contemporary Japanese Architecture // Open Journal of Civil Engineering. 2022. № 12. P.415-437.
22. Isozaki A. Around the time of "Japanese Urban Space": "Architectural Culture", "MA Espace-Temps au Japon", Festival D'Automne á Paris, Jacques Derrida / Arata Isozaki, Naohiko Hino // 10+1 (Ten Plus One). 2004. № 37. P.187–199. URL: <https://db.10plus1.jp/backnumber/article/articleid/1464/> (дата обращения: 01.12.2024).
23. Zgheib H.S. A Study on Contemporary Japanese Architectural Design Ephemeral Space and Fragmented Urbanity // Design Issue of KID. 2001. № 4. P. 13-43.
24. Lucken M. The Limits of ma / Michael Lucken, Miriam Rosen // Journal of World Philosophies. 2021. Vol. 6. № 1. P. 38-57.
25. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: RUGRAM, 2013. 444 с.
26. Бишарова С.Г. Синтоистские основы традиционной японской культуры: автореферат дис. на соискание ученой степени канд. философских наук: 24.00.01 / Бишарова Светлана Геннадьевна; Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск, 2006. 27 с.
27. Lin Zh. Metabolist Utopias and Their Global Influence: Three Paradigms of Urbanism // Journal of Urban History. 2016. № 42. P. 604-622.
28. Кофман А.Ф. «Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...» Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира // Ибероамериканские тетради. 2023. № 1. С. 19.
29. Snodgrass A. Thinking Through the Gap: The Space of Japanese Architecture // Architectural Theory Review. 2004. № 9. P. 65-85.
30. Коновалова, Н.А. Стратегии устойчивости современной архитектуры: "смирение" vs "амбициозность" // Современная архитектура мира. 2022. № 2(19). С. 11-26.
31. Nute K. Ma and the Japanese sense of place revisited: by way of cyberspace // Third international symposium on Asia Pacific architecture: challenging new technologies to fulfill the human spirit: April 7-9, 1999, Honolulu, Hawai'i / School of Architecture, University of Hawai'i at Mānoa. 1999.

32. Добрицына И.А. От постмодернизма - к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. Москва: Прогресс-Традиция, 2004. 416 с.

References

1. Hojda O. A Bewildering Affinity: Japanese Traditional Building and European Modernist Architects after World War II. *Umeni / Art*, 2019, vol. 67, no 1/2, pp. 47-63.
2. Shemyakin Ya.G. On the role of space in civilization system: the experience of 'borderline' civilizations of planetary scale in the universal context. *Modern and Contemporary History*, 2020, no 3, pp. 7-20.
3. Zamyatin D.N. Russia and Nowhere. Geographical Images and the Identity of Russian Civilization. *Dialogue with Time*, 2008, no 24, pp. 64-90.
4. Reshetnikova P.A. *Organizatsiya prostranstva v yaponskoy kul'ture: kontsepty i modeli* [Organization of space in Japanese culture: concepts and models]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2007, vol. 49, no 13, pp. 269-278.
5. Bognár B. Typology of Space Constructions in Contemporary Japanese Architecture [Gendai Nihon Kenchiku Ni Okeru Kūkan Kōsei No Taiporogī]. *Process Architecture No. 25. Japan: Climate, Space and Concept [Nihon No Futo to Kenchiku Kukan]*, Tokyo, 1981, pp.135-161.
6. Tanaka S. Time and the Paradox of the Orient. *Toajia bunka kosho kenkyu*, 4 (bessatsu), 2009, no 3, pp.165-177.
7. Stambaugh J. Time, finitude, and finality. *Philosophy East and West*, 1974, no 24 (2), pp.129-135.
8. Gonçalves M.P. Time as formgiver in Japanese architecture. Building rehabilitation and adaptation in the Hakozaki Campus of the Kyushu University, in Fukuoka, Japan. (Master Dis. Thesis). Lisbon, 2015.
9. Mead Ch.C. *The Hyospace of Japanese Architecture*. Singapore, 2023. 784 p.
10. Sinclair B. R. Japanese Spirituality, Flexibility and Design: Influences and Impacts on Agile Architecture + Open Building. *Architectural Research Addressing Societal Challenges. International Research Conference: Architectural Research Centers (ARCC). European Association of Architectural Educators (EAAE), University of Lisbon, Portugal, Lisbon, 2016, pp. 833-840.*
11. Kurokawa K. *Metabolism in architecture*. London, 1977. 208 p.
12. Sand J. Japan's Monument Problem: Ise Shrine as Metaphor. *Past & Present*, 2015, no 226, pp. 126-152.
13. Nute K. Space, Time, and Japanese Architecture: The Birth of a New Temporal Tradition. *The International Journal of Architectonic, Spatial, and Environmental Design*, 2019, no 13 (3), pp. 51-63.
14. Low S., Protsenko N. (translator). *Prostranstvennoye voploshcheniye kul'tury: etnografiya prostranstva i mesta* [Spatializing culture: The ethnography of space and place], Moscow, 2024, 398 p.
15. Nitschke G. Ma: The Japanese Sense of Place in Old and New Architecture and Planning. *Architectural Design*, 1966, vol. 36, no. 3, pp. 116-156.

16. Yatsuka H. Paradox of space and its sublation in Japanese modern architecture. *Architecture and Construction of Russia*. 2016, no. 4 (220), pp. 100-105.
17. Isozaki A. *Island Nation Aesthetic (Polemics)*. London, 1996, 59 p.
18. Locher M. *Traditional Japanese Architecture: An Exploration of Elements and Forms*. Tokyo, 2012, 651 p.
19. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture] 3rd ed., Moscow, 2004, 991 p.
20. Pilgrim R.B. Intervals ("Ma") in Space and Time: Foundations for a Religio-Aesthetic Paradigm in Japan. *History of Religions*, vol. 25, no. 3, 1986, pp. 255-277.
21. Jiang P. The Ambiguous Boundary between Buildings and Environment: Exploring the Interpretation of Traditional Aesthetic in Contemporary Japanese Architecture. *Open Journal of Civil Engineering*, 2022, no 12, pp.415-437.
22. Isozaki A., Hino N. Around the time of "Japanese Urban Space": "Architectural Culture", "MA Espace-Temps au Japon", Festival D'Automne á Paris, Jacques Derrida. 10+1 (Ten Plus One), 2004, no 37, pp.187–199. Available at: <https://db.10plus1.jp/backnumber/article/articleid/1464/>
23. Zgheib H.S. A Study on Contemporary Japanese Architectural Design Ephemeral Space and Fragmented Urbanity. *Design Issue of KID*, 2001, no 4, pp. 13-43.
24. Lucken M., Rosen M. The Limits of ma. *Journal of World Philosophies*, 2021, vol. 6, no 1, pp. 38-57.
25. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, 2013, 444 p.
26. Bisharova S.G. *Sintoistskiye osnovy traditsionnoy yaponskoy kul'tury. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk (avtoref. kand. dis.)* [Shinto Foundations of Traditional Japanese Culture. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences (Cand. Dis. Thesis)]. Novosibirsk, 2006, 27 p.
27. Lin Zh. Metabolist Utopias and Their Global Influence: Three Paradigms of Urbanism. *Journal of Urban History*, 2016, no 42, pp. 604-622.
28. Kofman A.F. «*Chto gringo zdorovo, to latinoamerikantsu smert'...*». *Osobennosti vystraivaniya latinoamerikanskoy kartiny mira* ["What's great for a gringo is death for a Latin American ..."] Features of building a Latin American picture of the world]. *Iberoamerikanskiye tetradi* [Cuadernos Iberoamericanos], 2023, no 1, p. 19.
29. Snodgrass A. Thinking Through the Gap: The Space of Japanese Architecture. *Architectural Theory Review*, 2004, no 9, pp. 65-85.
30. Konovalova N.A. Strategies for the sustainability of modern architecture: "humility" vs. "ambition". *Contemporary world's architecture*, 2022, no 2(19), pp. 11-26.
31. Nute K. Ma and the Japanese sense of place revisited: by way of cyberspace. Third international symposium on Asia Pacific architecture: challenging new technologies to fulfill the human spirit: April 7-9, 1999, Honolulu, Hawai'i, School of Architecture, University of Hawai'i at Mānoa, 1999.

32. Dobritsyna I.A. *Ot postmodernizma - k nelineynoy arkhitekture: Arkhitektura v kontekste sovremennoy filosofii i nauki* [From Postmodernism to Nonlinear Architecture: Architecture in the Context of Contemporary Philosophy and Science]. Moscow, 2004.

ОБ АВТОРЕ

Шемякин Федор Яковлевич

Аспирант кафедры «История архитектуры и градостроительства», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
fedshemyakov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Shemyakin Fedor Ya.

Postgraduate Student of the Department of «History of Architecture and Urban Planning», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
fedshemyakov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 06.12.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.